

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

И.И. СЕЧИН

кандидат экономических наук,
главный исполнительный директор ПАО «НК «Роснефть»

МИРОВОЙ РЫНОК НЕФТИ И СТРАТЕГИЯ РОССИИ НА РЫНКАХ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Стремление Запада сохранить мировое экономическое доминирование и сдержать рост развивающихся стран сделало мировой рынок энергоресурсов, и в частности нефтяной рынок, ареной геополитического противостояния. Проведенное исследование показало, что в условиях санкционного давления на Россию ключевым элементом ее стратегии на энергетических рынках стала переориентация экспортных поставок нефти на быстрорастущие рынки Азии, что позволило компенсировать потерю европейских покупателей. Несмотря на введение ценового потолка и ограничений на логистику, объемы экспорта оставались стабильными благодаря существующей и созданной инфраструктуре, а также долгосрочным контрактам с партнерами. Сочетание диверсификации рынков сбыта, гибкой налоговой политики и укрепления партнерств с «неудобными» Западу государствами обеспечило России устойчивость в условиях санкций. Вместе с тем необходимо учитывать, что давление на Россию, как и риски дальнейшей фрагментации мировых энергетических рынков, возрастают. В связи с этим усиливается необходимость принятия мер, минимизирующих эти риски, включая развитие альтернативных финансовых механизмов, сокращающих зависимость от долларовой системы.

Ключевые слова: мировая энергетика, нефть, санкции, сотрудничество, стратегия, Россия, Китай, Индия, Европа, США.

УДК: 339.9

EDN: DJHUXN

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_1_133_155

Мировой рынок нефти: масштабы и структура

В мировом энергобалансе нефть играет значимую роль уже более 100 лет. Ее доля в мировом производстве и потреблении энергии увеличилась с 3% на рубеже XIX и XX вв. до почти 45% в 1980-е гг. Если в 1900 г. мировое потребление нефти составляло всего около 16 млн т, то за 10 лет, к 1910 г., оно увеличилось более чем в 2,5 раза – до 44 млн т. Дальнейшее увеличение масштабов промышленного производства, использования автомобилей и другой техники с двигателями внутреннего сгорания привело к тому, что с 1910 по 1980 г. мировое потребление нефти, согласно данным Международного энергетического агентства (МЭА)¹, в среднем удваивалось каждые 12 лет. К 1980 г. мировое потребление нефти выросло до 3 млрд т. За 1960–2024 гг., согласно данным ОПЕК, мировое потребление жидких углеводородов (ЖУВ) выросло в 4,9 раза – до 103,8 млн барр./сут. И хотя при этом доля нефти в мировом энергобалансе сократилась до 34%, она сохранила за собой лидерство в структуре мирового производства энергии.

Необходимо отметить две принципиальные характеристики современного нефтяного рынка. Во-первых, если до нефтяных кризисов 70-х годов прошлого века темпы роста мирового потребления нефти определялись в основном развитыми странами, то затем ситуация существенно изменилась. В странах, не входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, потребление ЖУВ за 1960–2024 гг. увеличилось в 11,2 раза, тогда как в странах ОЭСР – только в 2,8 раза. В объемных показателях наибольший рост за этот период наблюдался в странах АТР – на 37,3 млн барр./сут. (потребление достигло 39,1 млн барр./сут.). Основной вклад в увеличение потребления ЖУВ в регионе внесли Китай (рост на 16,5 млн барр./сут.) и Индия (рост на 5,4 млн барр./сут.). При этом даже с такой динамикой спроса удельное потребление ЖУВ в развивающихся странах на сегодняшний день все еще значительно уступает удельному потреблению в развитых странах. Так, согласно данным ОПЕК и ООН, в 2024 г. годовое потребление ЖУВ на 1 человека в США составило 21,7 барр., в Республике Корея – 18,0 барр., в Японии – 9,3 барр., в Германии – 9,0 барр., в то время как в Нигерии – 0,8 барр., в Индии – 1,4 барр., в Индонезии – 2,4 барр., в Китае – 4,3 барр. Это указывает на большой потенциал дальнейшего наращивания потребления нефти развивающимися странами, что необходимо для поддержания ими высокой динамики индустриального развития и достижения уровня жизни, сопоставимого со странами развитых экономик.

¹ World Energy Balances, [www.iea.org](https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/world-energy-balances), 08 2025. <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/world-energy-balances> (дата обращения: 18.01.2026).

Во-вторых, географическая неравномерность распределения ресурсов нефти в мире (см. табл. 1) разделила страны де-факто на энергопрофицитные, т. е. страны – экспортеры нефти, и энергодефицитные, т. е. страны-импортеры. Основными нетто-экспортерами нефти являются страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия, Ирак, ОАЭ, Кувейт и др.), Россия, Канада, нефтедобывающие страны Центральной и Южной Америки, Африки. Крупнейшими нетто-импортерами нефти являются страны АТР и Европы [1].

Таблица 1

Доля стран в мировом производстве, экспорте и импорте нефти, 2024 г.

Страны – крупнейшие производители нефти	Доля в мировом производстве, %	Страны – крупнейшие нетто-экспортеры нефти	Доля в мировом экспорте, %	Страны – крупнейшие нетто-импортеры нефти	Доля в мировом импорте, %
США	18,9	Саудовская Аравия	14,9	Китай	25,7
Россия	11,6	Россия	11,3	США	15,2
Саудовская Аравия	11,2	Канада	10,2	Индия	11,1
Канада	6,4	Ирак	8,3	Республика Корея	6,4
Иран	5,2	ОАЭ	8,5	Япония	5,3
Ирак	4,7	Бразилия	4,1	Германия	3,6
Всего по группе стран	58,0	Всего по группе стран	57,3	Всего по группе стран	67,3

Источники: Statistical Review of World Energy 2025. Energy Institute. <https://www.energyinst.org/statistical-review> (дата обращения: 18.01.2026); Trade Map – International Trade Centre (ITC). <https://www.trademap.org/> (дата обращения: 18.01.2026).

Экспорт нефти стран Ближнего Востока в настоящее время в большей степени ориентирован на страны Азии (около 85% в 2024 г.). Доли США и стран Европы в нем в 2024 г. составили 2,9 и 8,8% соответственно.

Экспорт нефти из СНГ, в том числе из России, осуществляется преимущественно по двум направлениям – в страны АТР (около 60% всего экспорта нефти из СНГ в 2024 г.) и в Европу (около 33%). Хотя еще пять лет назад, в 2019 г., значительная часть экспорта нефти из СНГ (около 70%) была ориентирована на западное направление.

Ключевую роль в такой переориентации экспортных потоков нефти в Евразии сыграла Россия, которая обеспечивает большую часть экспорта нефти из СНГ: в 2024 г. российский экспорт составил 73% от регионального экспорта нефти. Разворот экспортных потоков в восточном направлении задумывался и начал реализовываться достаточно давно, с момента ввода в эксплуатацию в конце 2012 г. маги-

стрального трубопроводного маршрута «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО). Однако в 2022 г., с введением западных санкций против российской энергетики, переориентация российских энергетических потоков заметно ускорилась.

С развитием добычи нефти в сланцевых регионах и отменой в 2016 г. запрета на ее экспорт США существенно увеличили поставки нефти – с 2,7 млн т в 2006 г. до 198,3 млн т в 2024 г. Большая часть этих объемов приходится на страны Европы: туда в 2024 г. было направлено 95,8 млн т, или 48,3% всего экспорта нефти из США. Поставка такого количества американской нефти в Европу стала возможной, в том числе по причине ограничения европейскими странами импорта российской нефти по политическим мотивам начиная с 2022 г. В результате доля США в импорте Европой нефти увеличилась с 11% (51,4 млн т) в 2021 г. до 21% (95,8 млн т) в 2024 г. Доля России в импорте нефти Европой сократилась за этот период с 30% (138,7 млн т) до 6% (29,6 млн т) [1].

Географическая неравномерность распределения нефтяных ресурсов, с одной стороны, и значительная неоднородность стран по уровню экономического развития – с другой, определяют современный облик мирового нефтяного рынка. Этот рынок характеризуется высокой концентрацией как потребителей, так и производителей, а также их существенной взаимозависимостью. Это означает, что применение стратегии диверсификации как крупными потребителями, так и крупными поставщиками нефти на текущем этапе в значительной степени ограничено, и следовательно, ключевые участники рынка относительно уязвимы для внешних манипуляций.

США на мировом нефтяном рынке: эволюция инструментов влияния и контроля

США, как крупнейший в мире потребитель нефти, всегда стремились установить свой контроль над нефтяными потоками и мировым рынком нефти, что зачастую приводило к кризисам и вооруженным конфликтам в регионах, связанных с нефтью. И хотя в результате «сланцевой революции» США радикально улучшили свой углеводородный баланс, приоритетом для них осталось сохранение контроля над ключевыми мировыми транспортными артериями и потоками нефти. Утрата позиций в этих значимых логистических системах может привести к ослаблению доминирующей роли США в энергетической, экономической и финансовой сферах. Соответственно, власти США стремятся усилить свое влияние на стратегически важных энергетических рынках с целью сохранения собственного контроля над ними, использования в собственных интересах уязвимости других крупных участников и дальнейшей блокировки ближневосточных, российских,

китайских и иных инициатив по выстраиванию более справедливых отношений.

Контроль США над мировым нефтяным рынком за последний век эволюционировал от прямого управления ресурсами до сложной системы влияния через валютную политику, финансовую инфраструктуру и международные институты. Одним из инструментов влияния на мировой рынок нефти является контроль формирования цен.

Ценообразование в целом может быть объяснено через призму двух концептуальных подходов: трудовой теории стоимости и теории маржинализма. Их синтез в неоклассической теории предполагает, что равновесная цена формируется на пересечении спроса и предложения [2]. В случае с невозобновляемыми природными ресурсами добывающая компания может рассчитывать на извлечение ренты Рикардо, определяемой как разница в затратах на добычу и транспортировку до потребителя между разными месторождениями, и ренты Хотеллинга – премии за дефицит ресурса в условиях ограниченного предложения [3]. На рынке физической энергии эти концепции задают «коридор цен», где нижняя граница определяется издержками производства (*cost-plus*), а верхняя – предельной полезностью со стороны покупателя (стоимость замещения альтернативными энергоносителями). Однако приведенные теоретические основы ценообразования могут лишь отчасти объяснить историю изменения цен на мировом рынке нефти.

После подписания Ахнакаррского соглашения в 1928 г. и до начала 1970-х годов олигополия из семи компаний («семь сестер») Международного нефтяного картеля (МНК) устанавливала цены в одностороннем порядке, а доминирующим механизмом ценообразования являлся механизм *cost-plus*, привязанный к издержкам маргинальных производителей в США. За пределами США большую часть мировой добычи обеспечивали добывающие подразделения компаний, входящих в МНК. Низкая себестоимость добычи ближневосточной нефти (около 2 долл. США/барр.) при одновременной реализации конечным потребителям нефтепродуктов по рыночным ценам обеспечивала этим компаниям получение сверхприбыли за счет фактического присвоения природной ренты.

МНК просуществовал 45 лет, что в 5–10 раз превышает среднюю продолжительность существования картелей в XX в. [4]. Удержание олигополии стало возможным благодаря полной непрозрачности рынка и концессионным соглашениям – передаче прав на недра без обязательств по разработке, которые блокировали выход на рынок новых игроков. После образования в 1960 г. ОПЕК и национализации в 1970-е годы активов МНК странами ОПЕК монопольное ценообразование картеля МНК сменилось, по сути, таким же картельным

ценообразованием, но уже стран ОПЕК [5], которые скоординировано сокращали поставки нефти, стремясь увеличить свои доходы за счет поддержания высоких официальных отпускных цен.

Ограничение мирового предложения нефти обусловило переход от трансфертного ценообразования *cost-plus* к рынку наличного товара (*spot*) [6]. Если в первой половине 1970-х годов на долю разовых сделок наличного товара приходилось не более 5–8% международной торговли нефтью, то в первой половине 1980-х годов – не менее 40–50% [7]. Тем временем в 1974–1975 гг. США заключили соглашение с Саудовской Аравией, по которому нефть продавалась исключительно за доллары, а избыток нефтедолларов направлялся на покупку американских казначейских облигаций и активов. Это привязало спрос на доллар к глобальной нефтяной торговле, сделав его незаменимой мировой валютой.

В середине 1980-х гг. страны-импортеры стали применять меры, направленные против диктата ОПЕК – это, в частности, формирование стратегических и коммерческих товарных запасов нефти для демпфирования перерывов в поставках, создание МЭА, замещение нефти альтернативными энергоресурсами. Более того, сформировался избыток альтернативного предложения за счет значительного роста производства нефти вне ОПЕК. Наличие многочисленных альтернативных поставщиков нефти способствовало постепенному переходу рынка от ценообразования наличного товара (*spot*) к ценообразованию «нет-бэк» – стоимости замещения у конечного потребителя. Формирование цен на нефть переместилось на биржи и оторвалось от реальной нефтяной экономики. В настоящее время объем «бумажной» нефти (торгуемых контрактов) многократно превышает объем физической, что делает рынок уязвимым для спекулятивных атак и манипуляций через искажение торговой информации, сговор крупных участников рынка, спуфинг² и т. д.

Организация торговли и ценообразования на энергоресурсы и другие сырьевые товары является фундаментом обеспечения покупательной способности доллара США на международном уровне. Как любой инструмент имеет свою область применения, так и влияние США на мировой нефтяной рынок с использованием подконтрольных им субъектов и объектов биржевой деятельности имеет свои ограничения. И когда эффективность такого влияния оказывается недостаточной, США прибегают к управлению и ограничению на политическом или даже военном уровне.

² Спуфинг (от английского *proof* – обман, подделка) – это кибератака, при которой мошенники маскируются под других людей или компании.

За последние 100 лет экономические санкции стали важнейшим инструментом достижения внешнеполитических целей. В основном их используют развитые страны, обладающие мощной экономической и технологической базой. Лидером среди стран – инициаторов санкций стали США: из 174 случаев применения санкций в XX – начале XXI в. 109 случаев приходится на Америку. Экономическое превосходство и ведущая роль в мировых финансах дают возможность США оказывать давление на экономически более слабых игроков, добиваясь уступок по вопросам внешней и внутренней политики.

По данным SWIFT, по состоянию на конец 2025 г. основной валютой международных торговых расчетов между странами является доллар США, доля которого составляет около 80%³. На его долю также приходится почти 60% валютных резервов в мире⁴. Статус доллара как мировой резервной валюты, а также основной международной торговой валюты обеспечивает США массу преимуществ – от возможности финансировать значительный платежный дефицит и дефицит бюджета за счет эмиссии без инфляции, т. е. фактически за счет бесплатного кредита третьих стран, до контроля над существенной частью мировых финансовых и торговых потоков. Но есть и обратная сторона: США вынуждены увеличивать долларовую денежную массу пропорционально росту мировой торговли, темпы которой уже длительное время превышают темпы роста американской экономики.

Учитывая накапливающийся дисбаланс, возможны три варианта дальнейшего развития ситуации. В первом варианте США могут продолжать наращивание долларовой денежной массы для обслуживания международной торговли, что примерно через 15–20 лет приведет к удвоению текущего отношения долга США к ВВП. Накопленный объем необеспеченной долларовой денежной массы станет неуправляемым, что сделает страну крайне уязвимой в финансовом отношении к любым внешним шокам. Второй вариант предполагает, что США отказываются от доминирования доллара в международных взаиморасчетах и резервах и, как следствие, теряют все преимущества его статуса мировой валюты, а с ним и все свои конкурентные преимущества в международной торговле. И третий вариант – США могут пытаться сдерживать темпы роста международной торговли путем введения санкций и торговых ограничений под любыми предлогами против крупнейших торговых агентов, одновременно стремясь разго-

³ SWIFT. RMB Tracker. January 2026. – Brussels: SWIFT, 2026. <https://www.swift.com/ru/node/11096> (дата обращения: 15.01.2026).

⁴ Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER): International Monetary Fund (IMF). Washington, DC: IMF, 2026. <https://data.imf.org/en/datasets/IMF.STA:COFER> (дата обращения: 18.01.2026).

нять темпы роста собственной экономики за счет притока капитала из прочих стран. Угрожая применением санкций, США продолжают агрессивно навязывать свою валюту как основное средство международной торговли.

Какого сценария придерживаются США – вполне очевидно. В результате этого выбора приоритетными целями западных, прежде всего американских, санкций стали энергетика, внешняя торговля и технологическое развитие тех стран, экономический потенциал или перспективы развития которых являются драйвером мировой экономики и торговли. Яркий и наглядный текущий пример – Западная Европа, которая на относительно доступных и дешевых российских энергоресурсах смогла к началу 20-х годов текущего века увеличить свои экономический и финансовый потенциалы до такой степени, что они стали сопоставимы с США, а евро стал представлять определенную угрозу доминированию американского доллара в сфере международных расчетов и резервов. Однако в результате последовательных и планомерных шагов США в формировании санкционной политики против России, при активной поддержке властей ЕС, Европа лишилась одного из ключевых своих конкурентных преимуществ – стабильных и недорогих поставок российских углеводородов. Евросоюз в 2021–2025 гг. потратил на импорт газа более 550 млрд евро. Это соизмеримо с совокупными расходами Европы на импорт газа за предыдущие 14 лет, когда Россия была ведущим поставщиком газа в Европу⁵. Дефицит энергии и волатильность цен на энергетических рынках обусловили процессы деиндустриализации – остановки производств в промышленности или переноса производственных операций из Европы в другие государства. Значительнее других пострадали энергоемкие отрасли европейских стран, такие как химическая промышленность, производство стекла, металла, удобрений, керамики и цемента, целлюлозно-бумажная промышленность, а также автомобилестроение и машиностроение. Как итог – страны Евросоюза, в первую очередь Германия, теряют статус мировых технологических лидеров и ведущих производителей.

Данный пример наглядно иллюстрирует, насколько важным для США является контроль над мировым рынком энергоресурсов. США всегда стремились и будут стремиться ограничивать или как минимум контролировать как энергетические источники третьих стран (потому что потенциально они могут развиваться независимо от США), так и торговлю энергоресурсами (потому что могут развиваться страны-партнеры, получающие энергоресурсы).

⁵ Евростат. Европейская комиссия. <https://ec.europa.eu/eurostat/web/international-trade-in-goods/database> (дата обращения: 15.01.2026).

Вводимые под надуманными предлогами санкции и прочие ограничения против некоторых стран – экспортеров энергоресурсов дают возможность США достигать сразу нескольких целей. Во-первых, постепенное вытеснение конкурентов с энергетического рынка позволяет американским компаниям наращивать собственное производство и экспорт энергоресурсов. Во-вторых, такая стратегия способствует снижению доходов и экономического потенциала прямых конкурентов США в энергетической сфере. В-третьих, она усиливает энергетическую и экономическую зависимость энергодефицитных стран от политики США и сдерживает их развитие.

Колониальная природа западных санкций отчетливо прослеживается на примере Ирана и Венесуэлы. Так, в ответ на усиление требований Ирана учитывать его национальные интересы и национализацию Англо-иранской нефтяной компании в 1950-х гг. Великобритания при поддержке США ввела бойкот на иранскую нефть и нефтепродукты. Вскоре за санкциями последовала операция американской и британской разведок по свержению иранского премьера Мохаммеда Мосаддыка. Меньше чем через год после его свержения был образован Международный консорциум по разработке иранской нефти, в котором 40% досталось британской компании, 40% – группе американских фирм, 14% – компании Shell и 6% – французским пайщикам. Современная история санкций против Ирана, начавшаяся в 1979 г., характеризуется постоянно нарастающим объемом и тяжестью вводимых ограничений. В 1996 г. Конгресс США принял санкционный законопроект (Iran Sanctions Act) против Ирана, основной удар которого наносился по энергетическому сектору Ирана. Он запрещал крупные инвестиции в иранский энергетический сектор, поставки технологий, судов, оказание транспортных и страховых услуг по доставке нефтепродуктов.

Помимо давления на Иран, Вашингтон на протяжении долгого времени последовательно наращивал санкционное давление в отношении еще одного экспортера нефти – Венесуэлы. Наряду с санкциями против правительства Венесуэлы, начиная с 2017 г. США ввели ограничения в отношении венесуэльской государственной нефтедобывающей компании PDVSA. С учетом значимости для страны доходов от экспорта нефти, давление на PDVSA означало неминуемое сокращение экспортных доходов и деградацию нефтяной отрасли. В конце 2025 г. США фактически ввели морскую блокаду Венесуэлы и захватили несколько танкеров. 3 января 2026 г. американские вооруженные силы напали на Венесуэлу и захватили президента Николаса Мадуро. Реальные цели данной операции были впоследствии раскрыты как самим президентом США Д. Трампом, так и госсекретарем М. Рубио. Во-первых, США стремились предотвратить сотрудничество Вене-

суэлы с главными стратегическими соперниками Америки (Китаем, Ираном и Россией) и, во-вторых, вернуть контроль над нефтяными ресурсами Венесуэлы. Президент Трамп несколько раз в своих публичных заявлениях обвинял Венесуэлу в «краже американских активов», особенно в нефтяной отрасли. После свержения Мадуро США фактически установили контроль над нефтегазовым сектором Венесуэлы.

В 2014 г. Запад начал санкционную войну против России, в отношении которой на сегодняшний день введено больше ограничений, чем в отношении Ирана, Венесуэлы, Сирии и КНДР вместе взятых. Один из основных ударов пришелся на российскую энергетику и на возможности России экспортировать энергоносители. Первой страной, которая ввела запрет на импорт российских энергоносителей, в том числе нефти и нефтепродуктов, стали Соединенные Штаты Америки – соответствующий указ президент США Дж. Байден подписал 8 марта 2022 г. В начале июня 2022 г. Евросоюз принял очередной пакет санкций против России, который предусматривал запрет на морской импорт нефти из Российской Федерации начиная с 5 декабря 2022 г., нефтепродуктов – начиная с 5 февраля 2023 г.⁶ Этот пакет санкций также запретил европейским компаниям оказывать «техническое содействие, посреднические услуги, или финансирование, или финансовую поддержку» (с учетом страхования и перестрахования) в отношении транспортировки в третьи страны, включая перегрузку с судна на судно, нефти и нефтепродуктов российского происхождения. 2 декабря 2022 г. страны G7 и Австралия достигли договоренности о введении начиная с 5 декабря ценового потолка на уровне 60 долл. США /барр. на экспорт нефти по морю из России в третьи страны. Аналогичные ограничения были объявлены и в отношении экспорта Россией нефтепродуктов, для которых был установлен потолок цен на уровне 100 долл. США/ барр. для дизтоплива, бензина, газойля, вакуумного газойля и авиатоплива и на уровне 45 долл. США/ барр. – для мазута и нафты.

Во второй половине 2025 г. ЕС в рамках очередного, 18-го, пакета антироссийских санкций снизил ценовой потолок на российскую нефть до 47,6 долл. США/ барр. К ограничениям присоединились Великобритания, Норвегия, Япония, Новая Зеландия. Введенные ограничения разрешали европейским компаниям предоставлять торговые, брокерские и транспортные услуги для перевозки российской нефти третьим странам только в том случае, если цена покупки нефти в России была не выше установленного уровня. Согласно рекомендациям

⁶ Russia's aggression against Ukraine: EU adopts sixth package of sanctions. Council of the European Union. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/03/russia-s-aggression-against-ukraine-eu-adopts-sixth-package-of-sanctions/> (дата обращения: 18.01.2026).

США и Великобритании, штрафы должны будут уплачивать покупатели, продавцы, трейдеры и брокеры, в отношении которых будет установлено, что они нарушили введенное ограничение по стоимости российской нефти. Данные действия – не что иное, как беспрецедентная интервенция США и ЕС на мировом рынке нефти и попытка экспроприации части природной ренты.

Для увеличения собственной доли на мировом рынке нефти без потери доходности США постоянно требуется усиливать собственные конкурентные преимущества, чему способствует в том числе и постепенное расширение перечня антироссийских санкций. Так, в начале 2025 г. США объявили очередной масштабный пакет ограничений против нефтегазового сектора российской экономики, включающий блокирующие санкции в отношении крупнейших вертикально интегрированных нефтяных компаний, а также меры против отдельных добывающих проектов, флота, страховых компаний, топ-менеджеров и др. В октябре 2025 г. Минфин США объявил о введении дополнительных санкций в отношении России: под ограничения попали крупнейшие нефтяные компании «Роснефть» и «ЛУКОЙЛ». Также санкционированными считаются все их дочерние компании. По мнению истеблишмента США, деятельность или участие в энергетическом секторе экономики Российской Федерации уже является достаточным основанием для введения санкций США в отношении любого лица.

Еще одним инструментом западной политики является продвижение ложных нарративов под эгидой контролируемых Западом международных организаций. Среди них, например, идея энергетического перехода. Она направлена прежде всего на укрепление однополярной структуры миропорядка с доминирующей западной цивилизацией, дискриминацию остального мира и изъятие технологической ренты. По своей сути «зеленый» переход является еще одной формой неокOLONиализма в отношении развивающихся и неугодных стран. Объявленная программа энергоперехода является залегендированным мощным санкционным барьером для 88% населения Земли – для всех, кто не входит в «золотой миллиард», или тех, кто должен быть исключен из него. Это, по сути, необъявленные санкции, которые между тем применяются [8]. При этом Запад в целом, и США в частности, отказываются нести какую-либо ответственность за существенный объем парниковых газов, выброшенных в атмосферу их промышленностью за предшествующее столетие. Характерно то, что администрация президента США Д. Трампа выступает не против «зеленого» перехода вообще, а против его реализации на американской территории и связанных с этим международных обязательств, понимая при этом, что ничего хорошего для американской экономики это не несет.

Таким образом, стратегия США заключается в том, чтобы последовательно препятствовать энергетическому и технологическому развитию потенциальных конкурентов, постепенно сокращая как их число, так и их возможности. Следовательно, под угрозой находятся и все страны-партнеры, получающие надежные поставки нефти и нефтепродуктов по доступной цене из Ирана и России.

Российская нефтяная отрасль под санкционным давлением: максимальное использование возможностей рынка

Если упрощенно классифицировать применяемые в настоящее время на мировом рынке способы конкурентной борьбы, то можно выделить несколько основных типов: недобросовестная, добросовестная ценовая и добросовестная неценовая конкуренция. Ранее в стремлении сдерживать развитие стран социалистического лагеря, а потом и стран развивающегося мира Запад преимущественно использовал методы добросовестной конкуренции в силу экономической слабости этих стран. Однако в последние годы, на фоне роста экономической мощи ряда развивающихся стран и неспособности успешно состязаться с ними в конкурентной борьбе, западные страны перешли к откровенному нарушению ими же установленных международных правил торговли и к использованию методов недобросовестной конкуренции. Недобросовестная конкуренция заключается в применении нерыночных ограничительных мер, лишаящих других участников рынка возможности совершения операций на рынке. Этот подход активно и широко применяется западными странами в виде разнообразных санкций и односторонних ограничений в отношении России, Ирана, Венесуэлы и других стран.

Ограничив импорт российских жидких углеводородов в Европу, западные страны вынудили Россию ускорить диверсификацию направлений экспортных поставок нефти и нефтепродуктов. Именно ускорить, так как Российская Федерация в целом, и компания «Роснефть» в частности, уже вели продолжительную, планомерную и успешную работу в этом направлении. Понимая, что азиатский рынок обладает самыми большими перспективами по наращиванию потребления энергоресурсов, в России был инициирован и реализован ряд инфраструктурных и инвестиционных проектов, которые способствуют организации надежных и экономически эффективных поставок российских углеводородов в восточном направлении, в АТР: ВСТО, проект «Восток Ойл» и порт «Бухта Север», газопровод «Сила Сибири», судостроительный комплекс «Звезда», Северный морской путь, Восточный полигон железных дорог и т. д.

Предпринимаемые российскими компаниями шаги в направлении обеспечения устойчивого энергоснабжения, укрепления долгосрочных партнерств и поддержки социально-экономического развития находят живой интерес и полноформатную поддержку партнеров из развивающихся стран, что укрепляет позиции России на международной арене и формирует рынки для сбыта российских энергоресурсов. Для повышения доступности энергии в развивающихся странах Россия сочетает разные форматы взаимодействия с партнерами – это могут быть как прямые экспортные поставки российских энергоресурсов, так и создание долгосрочных партнерств, направленных на локализацию и совместную добычу энергетических ресурсов, развитие логистической инфраструктуры и производство энергии, обеспечение финансовой поддержки и др. И хотя некоторые предпринимаемые российской стороной шаги не получили логического продолжения в виде успешно реализованных проектов, в основном по независящим от участвующих сторон причинам, тем не менее они способствовали расширению деловых возможностей России через формирование новых деловых связей, бизнес-идей, проектов и укрепление доверия.

В Африке «Роснефть» участвует в разработке месторождения на шельфе Средиземного моря. Также в проектах на шельфе Египта в Суэцком заливе участвует «Зарубежнефть». «Лукойл» участвует в проектах по добыче углеводородов на шельфе Египта, Камеруна, Нигерии, Ганы и Республики Конго, «Газпром» – в проекте в Алжире, «Газпром нефть» – в Экваториальной Гвинее. Примером совместной деятельности российских и национальных нефтегазовых компаний развивающихся стран являются и проекты на Ближнем Востоке.

В развивающихся странах АТР российские компании участвовали или продолжают участвовать в проектах как по добыче, так и по переработке нефти. Так, компания «Зарубежнефть» с 2021 г. формирует газовый кластер во Вьетнаме и Индонезии. В Индии «Роснефть» имеет долю в одном из самых современных в мире НПЗ и в одной из самых крупных в стране сетей АЗС.

Энергетическое сотрудничество не ограничивается только нефтегазовыми компаниями. В проектах топливно-энергетических комплексов развивающихся стран участвуют и другие российские энергетические компании. Так, «РусГидро» участвует в проектировании и строительстве гидроэлектростанций, а также в проведении работ по совершенствованию и повышению надежности объектов ГЭС в Киргизии, Таджикистане, Узбекистане, Казахстане, Эквадоре. «Росатом» ведет строительство АЭС в Турции, Египте, Индии, Бангладеш, Китае.

Оценивая перспективы развития рынков жидких углеводородов азиатских стран, необходимо особо отметить укрепление отношений с Индией. «Роснефть» приобрела долю в индийском НПЗ, что обуслов-

лено заинтересованностью в надежном индийском рынке сбыта своей нефти. Таким образом, каждая из сторон получила как возможности, так и гарантии в сохранении надежных торговых отношений. Образовалась прочная связь поставщика с потребителем, причем на условиях взаимного выигрыша: поставщик гарантированно имеет рынок сбыта, а потребитель – надежного поставщика по приемлемой цене.

Одним из следующих действий по укреплению торговых связей стало заключение долгосрочных договоров на поставку нефти. Именно о таком контракте объявил первый вице-премьер Правительства Российской Федерации А.В. Новак в ходе российско-индийских переговоров во время визита в Россию премьер-министра Индии Н. Моди в начале июля 2024 г. Далее, в ходе визита в Индию президента Российской Федерации В.В. Путина в декабре 2025 г., была согласована программа развития стратегических направлений экономического сотрудничества двух стран до 2036 г., а также достигнуты договоренности об активизации переговоров о создании зоны свободной торговли между Индией и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и о развитии логистики международного транспортного коридора «Север – Юг» и морского коридора «Владивосток – Ченнаи» [9]. И хотя в начале февраля 2026 г. президент США Д. Трамп заявил о договоренности с Индией о ее отказе от импорта российской нефти, по сообщениям СМИ, индийские официальные власти этого не подтверждали.

Таким образом, Россия активно применяла и продолжает успешно применять инструменты добросовестной конкуренции для увеличения своей доли на новых рынках. Добросовестная ценовая конкуренция заключается в обеспечении надежного канала гарантированных поставок по приемлемой для потребителя цене.

В вопросе оценки эффективности и результативности переориентации российского нефтяного экспорта невозможно оставить в стороне такие факторы, как цена нефти и объемы экспорта. Если ориентироваться на котировки Urals, формируемые Argus, нефть из России поставлялась в Индию по ценам, превышавшим ценовой потолок, как минимум с лета 2023 г., что свидетельствовало о правильности действий Правительства Российской Федерации и российских нефтяных компаний и о несостоятельности проводимой западными странами санкционной политики.

Превышение новой котировки Urals установленного G7 ценового потолка для российской нефти совершенно неудивительно и обусловлено тем, что мировой нефтяной рынок, несмотря на попытки Запада его фрагментировать и даже частично изолировать от российской нефти, в целом сохранил свою связанность. Дело в том, что теоретически в процессе ввода каких-либо ограничений (санкций) первоначально может возникать некоторая разница цен на нефть между реги-

ональными рынками (ценовой спреда), что стимулирует трейдеров осуществлять арбитражные сделки и обеспечивает перераспределение товарных потоков между этими рынками.

Теоретически эффективность регулирующей (балансирующей) функции цены посредством арбитражного механизма зависит как от величины спреда межрегиональных цен, так и от общего состояния баланса мирового рынка нефти. Что касается фундаментальной сбалансированности спроса и предложения нефти на мировом рынке, то в этот период она поддерживалась благодаря выполнению участниками соглашения ОПЕК+ целевых уровней добычи нефти и принятия добровольных обязательств по дополнительному сокращению добычи в рамках этого соглашения. Сохранение небольшого дефицита предложения⁷ в объеме 0,1–0,3 млн барр./сут. в 2022–2024 гг. в целом способствовало поддержанию эффективности функционирования арбитражного механизма.

В конечном итоге такой арбитраж устраняет региональные дисбалансы, способствуя сокращению ценовых спредов между рынками. Попытки западных стран санкционными инструментами бороться против самой природы рынка заведомо обречены на провал. Антироссийские санкции снизили возможности России по поставкам нефти в Европу и США, но полностью исключить поставки российских энергоресурсов остальным субъектам рынка они не могут.

Стоит особо подчеркнуть, что динамика добычи и экспорта российской нефти в период 2022–2025 гг. определялась не западными санкциями, а выполнением Россией своих обязательств в рамках соглашения об ограничении добычи ОПЕК+. При этом российские компании в полной мере исполняли свои контрактные обязательства как с зарубежными партнерами, так и на внутреннем рынке. Существенного падения объемов добычи и экспорта российской нефти, на которое были рассчитаны западные санкции, допущено не было. К 2025 г. добыча нефти несколько уменьшилась и составила 511,5 млн т, что всего на 2,5% ниже уровня 2021 г., до введения масштабных антироссийских санкций. Экспорт российской нефти в 2025 г. и вовсе превысил на 1,4% уровень экспорта нефти в 2021 г.

Говоря о результативности российской стратегии и тактики на нефтяном рынке, нельзя оставить в стороне вопрос бюджетной эффективности предпринятых шагов. Рассматривая более детально динамику нефтяной части нефтегазовых доходов, можно отметить следующее. В 2022 г. совокупный объем ее поступлений в федеральный бюджет составил 7,7 трлн руб., увеличившись по отношению к 2021 г. на

⁷ История переговоров ОПЕК+ о стабилизации нефтяного рынка. ТАСС. 1 июня 2024 г. <https://tass.ru/info/8665041> (дата обращения: 24.01.2026).

Добыча и экспорт нефти в России (2021–2025 гг.)

	2021	2022	2023	2024	2025
Добыча нефти, млн т	524,5	535,2	530,6	516,0	511,5
в % к предыдущему году	102,3	102,0	99,1	97,2	99,1
Экспорт нефти, млн т	225,1	242,2	234,3	228,4	228,3
в % к предыдущему году	96,8	107,6	96,7	97,5	99,96

8,3%. Позитивную роль здесь сыграл ценовой фактор. Конечно, рост частично был связан и с физическим увеличением добычи и экспорта нефти, составившим соответственно 2% и 7,6% (см. табл. 2). Но это заметно меньше роста нефтяных налоговых отчислений.

В 2023 г. объем поступлений нефтяной части нефтегазовых доходов в федеральный бюджет сократился до 6,58 трлн руб., или на 14,6% по отношению к 2022 г., что было обусловлено в основном общемировой ценовой волатильностью и, в частности, снижением уровня мировой среднегодовой цены нефти Brent на 18,2%, до 83 долл США/барр., а не малозначительным сокращением объемов добычи и экспорта нефти. Но уже в 2024 г., несмотря на небольшое снижение добычи и экспорта нефти в России в рамках соблюдения соглашения ОПЕК+, объем нефтяных поступлений в федеральный бюджет вырос почти на 30% и превысил 8,5 трлн руб., что примерно на 20% выше уровня поступлений в 2021 г.

Некоторое влияние на рост поступлений нефтяных налогов в федеральный бюджет в 2024 г., конечно, оказало завершение налогового маневра, реализующего перераспределение налоговой нагрузки с экспорта на добычу нефти. В рамках этого налогового маневра поступления от пошлин на экспорт нефти и нефтепродуктов последовательно сокращались в течение 2019–2023 гг. с полным обнулением ставки пошлины в 2024 г., а доходы от НДС на нефть соответствующим образом увеличивались⁸.

В 2025 г. вследствие снижения цен на нефть, укрепления курса рубля и усиления санкционного давления нефтегазовые доходы федерального бюджета уменьшились на 24% по сравнению с уровнем 2024 г. – до 8,48 трлн руб. В том числе нефтяная составляющая доходов сократилась на 23% и составила 6,55 трлн руб. Базовый уровень нефтегазовых доходов собрать удалось, однако бюджет дважды пересматри-

⁸ Сведения о формировании и использовании дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2018–2025 годах. Минфин России. https://minfin.gov.ru/document/?id_4=122094 (дата обращения: 18.01.2026).

вался в течение 2025 г., в том числе в части дополнительных нефтегазовых доходов целевой показатель был пересмотрен с 1812 млрд руб. в исходном проекте бюджета до 84,1 млрд руб.

В 2026 г. Минфин России планирует собрать 8,92 трлн руб. нефтегазовых доходов при условиях среднегодовой цены сорта Urals 59 долл./барр. и курсе 92,2 руб. за 1долл. США. Планируется, что этот объем будет ниже базового уровня, в результате чего бюджет недополучит 38,5 млрд руб. В январе 2026 г. объем недополученных нефтегазовых доходов составил 182,2 млрд руб.

Стратегия России на энергетических рынках – сотрудничество и развитие

Текущая стратегия России на энергетических рынках вообще, и на нефтяном в частности, по большому счету сохранила свою преемственность по отношению к советскому периоду, когда она в значительной мере была сформирована как естественная реакция на стремление США к геополитическому доминированию. Благодаря ресурсному потенциалу и своему географическому положению Россия играет особую роль в развитии энергокомплексов по вектору «Европа – страны АТР», да и вообще в мировой энергетике, внося ощутимый вклад в поддержание устойчивого баланса спроса и предложения углеводородов на международных рынках⁹.

Учитывая опыт Советского Союза, в том числе негативный, в построении международных блоков и понимая историческую неотвратимость возникновения новых центров силы в мире по мере их опережающего экономического развития, Россия отказалась от блокового мышления периода холодной войны. Блоковый подход на идеологической основе влечет определенное ограничение политического суверенитета для стран-участников, что значительно ограничивает число стран – потенциальных партнеров.

В таких условиях наиболее эффективной стратегией противостояния сходящей с исторической сцены моноцентричной модели мира может быть только увеличение количества центров силы и стран, превосходящих ее по темпам развития. Глобализация способствовала вовлечению большего числа новых стран в процесс быстрого экономического роста, что стало историческим базисом перехода к полицентричному миру, где различные центры силы конкурируют между собой и формируют самостоятельные стратегические решения.

⁹ Country Analysis Brief: Russia. [www.eia.gov. 29.04.2024. https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Russia/pdf/russia.pdf](https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Russia/pdf/russia.pdf) (дата обращения: 18.01.2026).

И именно такой «клубный» подход на основе взаимовыгодного сотрудничества по национальным интересам является наиболее перспективным и способным заинтересовать значительное число потенциальных участников. Актуальность и востребованность этого исторически неизбежного процесса отражается в постоянно увеличивающемся числе стран, желающих участвовать в работе таких объединений, как ШОС, БРИКС и подобных им, организация работы которых предлагает участникам возможности развивать и укреплять экономические и политические связи на основе равенства и взаимной выгоды, а также решать глобальные проблемы совместными усилиями.

По состоянию на 2024 г. на страны БРИКС, с учетом расширения состава в 2024–2025 гг., в совокупности приходилось около 48% мирового населения, около 39% мирового ВВП по паритету покупательной способности¹⁰. Еще до расширения своего состава в 2024–2025 гг. объединение БРИКС являлось как крупнейшим производителем, так и крупнейшим потребителем ископаемых топливно-энергетических ресурсов: в 2023 г. – 76% мирового потребления угля и 70% его производства. Страны БРИКС произвели 22% и потребили 24% мировой добычи природного газа. На страны объединения приходится 28% мирового потребления нефтепродуктов и 21% мировой добычи нефти¹¹. С учетом расширенного с 2024 г. состава объединения его роль в мировой энергетике только возросла.

Объединение БРИКС, являясь одним из первых проявлений формирующегося полицентричного мира, вместе с тем очень неоднородно по уровню экономического развития его участников. Страны БРИКС, особенно в его расширенном составе, радикально отличаются по энергетической самообеспеченности, структуре топливно-энергетического баланса, энергетической инфраструктуре, организационным моделям внутренних энергетических рынков. Также следует принимать во внимание, что в некоторых странах БРИКС значительная часть населения все еще не имеет доступа к современным источникам энергии. Залог устойчивого развития БРИКС состоит в скорейшем и всемерном устранении энергетической и технологической бедности максимально возможного числа партнеров, особенно среди крупнейших развивающихся стран, а также в эффективной торговле, в том числе энергоресурсами, внутри объединения. Для достижения энергобезопасности необходимо обеспечить достаточность, доступность и надежность источников энергии. При этом именно развивающиеся страны будут

¹⁰ World Development Indicators (WDI). Всемирный банк. <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 18.01.2026).

¹¹ World Energy Balances. www.iea.org. 2025. <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/world-energy-balances> (дата обращения: 18.01.2026).

основными драйверами потребления нефти в ближайшие десятилетия. Уже к 2030 г. рост спроса в этой группе стран совокупно должен обеспечить 95% мирового прироста потребления. Наибольший рост спроса на нефть ожидается в странах Азии¹².

Для ускоренного экономического роста и промышленного развития многим энергодефицитным развивающимся странам требуются надежные поставки энергоресурсов по приемлемым ценам. В 2015 г. международное сообщество поставило перед собой амбициозную цель – «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» – с задачей достичь ее в 2030 г.¹³ И основная стратегия России на мировом нефтяном рынке – участвовать в международных инициативах, касающихся устойчивого развития мировой энергетики, обеспечивая энергетическую безопасность как внутри страны, так и на международном уровне, что включает стабильное энергоснабжение, снижение рисков поставки энергоресурсов и повышение эффективности внешнеэкономической деятельности российских энергетических компаний.

Именно ускоренный рост экономик стран АТР, как и развитие организации БРИКС, обусловили осуществление поворота России на Восток, а точнее, создали объективные условия и предпосылки для формирования еще одного вектора экономического сотрудничества России [10]. Ведь поворот начался со строительства ВСТО и инвестиций в нефтегазовый сектор Индии задолго до закрытия европейских рынков для нашей страны.

Важной, можно сказать, фундаментальной составляющей восточного вектора развития России стала энергетическая компонента. Крупнейшими потребителями энергоресурсов в составе БРИКС являются Китай и Индия. Поставляя этим и другим развивающимся странам увеличивающиеся объемы нефти, нефтепродуктов и природного газа, Россия активно способствует их экономическому развитию.

При этом Россия, будучи ответственным участником международных отношений, по-прежнему придерживается принятых обязательств по поставкам энергоресурсов и в развитые страны Европы, Азии и Америки и готова их выполнять и в дальнейшем на недискриминационных условиях. Россия также заинтересована в расширении участия в международной деятельности по обеспечению устойчивого развития глобальной энергетики. Тем не менее навязываемые западными странами условия недобросовестной конкуренции, например в форме введенного европейскими странами эмбарго на поставки

¹² World Oil Outlook 2045. <https://publications.opec.org/woo>. 2023. <https://publications.opec.org/woo/archive/chapter/112/1783> (дата обращения: 18.01.2026).

¹³ Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ООН. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/energy/> (дата обращения: 18.01.2026).

российских жидких углеводородов, привели к прекращению доступа на традиционный для российской нефтяной отрасли европейский рынок. Более того, с использованием таких мер, как ценовой потолок, отказ в страховании судов и введение санкций в отношении российских перевозчиков, западные страны пытаются ограничить и возможности морских поставок российских энергоресурсов.

В этих условиях решение стратегической задачи по укреплению Россией занимаемых на международных рынках углеводородов позиций невозможно представить без полноценной диверсификации направлений поставок энергоресурсов в пользу быстрорастущих рынков дружественных стран. *Восточный вектор развития становится целью и приоритетом российского топливно-энергетического комплекса, жизненно важным для его существования и развития.*

В утвержденной в 2025 г. Энергетической стратегии России на период до 2050 г.¹⁴ отмечается необходимость решения задачи формирования и развития общего рынка нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза, а также реализация инициативы президента Российской Федерации В.В. Путина – «Большого Евразийского Партнерства», которая включает в себя интеграцию логистических, производственных, энергетических и финансовых связей.

Кроме того, сопряжение развития ЕАЭС и БРИКС представляется одним из наиболее перспективных и многообещающих проектов для становления сотрудничества крупных блоков государств. Российская Федерация, как общий элемент двух объединений, имеет уникальные возможности по построению новой архитектуры конструктивных международных экономических отношений на основе общих целей и ценностей этих объединений. Прежде всего – это стремление к укреплению экономических связей, решению проблем безопасности и повышению влияния стран-участниц за счет координации совместных действий.

Одной из перспективных областей взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики может стать справедливый и эволюционный энергетический переход, т. к. все участники БРИКС поставили перед собой цели по достижению углеродной нейтральности. В направлении реализации энергетического перехода всеми странами БРИКС проводится большая, но в основном обособленная работа на принципах учета национальных возможностей. Очевидно, что страны объединения уделяют большое внимание диверсификации структуры топливно-энергетического баланса, увеличению доли использования низко- и безуглеродных источников энергии. При этом важно подчеркнуть, что энергетический

¹⁴ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года. Минэнерго России. <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-strategy?ysclid=mm7wk6n4wr433997699> (дата обращения: 18.01.2026).

переход не может быть навязан и реализован за счет одномоментного отказа от традиционных источников энергии, поскольку такой отказ сопряжен с серьезными рисками для энергетической безопасности, экономики и социальной стабильности. На примере Европы видим, что резкое сокращение использования традиционных источников энергии привело к росту цен, инфляции и снижению конкурентоспособности промышленности. Важно также учитывать социальные последствия отказа от традиционных источников для регионов, особенно Ближнего Востока, и отраслей, зависящих от ископаемого топлива.

Универсального рецепта энергетического перехода, который подходил бы всем странам, не существует. Страны самостоятельно выбирают свой путь и скорость энергетического перехода исходя из учета национальных условий, факторов и критических рисков, в том числе связанных с расширением применения возобновляемых источников энергии, стремясь в то же время достичь своих заявленных климатических целей. При осуществлении справедливого энергетического перехода необходимо руководствоваться стратегией, в которой традиционные источники энергии продолжают играть важную роль, особенно в обеспечении надежности и доступности энергии. Это является необходимым условием достижения заявленных климатических целей без ущерба для национальных интересов и сбалансированного социально-экономического развития стран.

* * *

По результатам анализа в целом можно сделать вполне обоснованный вывод, что реализованные российскими компаниями стратегические и тактические решения в различных, в том числе кризисных, ситуациях на нефтяном рынке оказались верными. Это позволило своевременно выполнить переориентацию нефтяных потоков и не допустить значительного падения добычи и экспорта российской нефти. Кроме того, предотвратив существенное увеличение дисконта на российскую нефть по сравнению с ценой на другие сорта нефти на целевых рынках, данные решения обеспечили устойчивость бюджетной системы Российской Федерации за счет достаточно стабильных поступлений нефтяной части нефтегазовых доходов.

Что касается будущего текущей конфигурации мирового нефтяного рынка, то можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что западные страны, «заморозив» российские активы и введя санкции против российской энергетики, сделали еще один шаг к разрушению глобальной системы торговли энергоресурсами, взаимных инвестиций и энергетической безопасности. Причем той системы, «которую создавали сами и которая многие десятилетия обеспечивала их процветание, позволяла потреблять больше, чем они зарабаты-

вают, через долги и обязательства привлекать деньги со всего мира»¹⁵. А это значит, что мировым энергетическим рынкам еще предстоит значительно трансформироваться, чтобы отвечать интересам формирующегося полицентричного мира и обеспечивать равную энергетическую безопасность в новом мире.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Statistical Review of World Energy 2025. Energy Institute. London, 2025. <https://www.energyinst.org/statistical-review/home>.
2. Marshall A. Principles of Economics. 8th ed., London: Macmillan and Co., 1920.
3. Hotelling H. The Economics of Exhaustible Resources. Journal of Political Economy. 1931. Vol. 39(2). Pp. 137–175.
4. Levenstein M.C., Suslow V.Y. What Determines Cartel Success? // Journal of Economic Literature. 2006. Vol. 44. No. 1. Pp. 43–95.
5. Брагинский О. Цены на нефть: история, прогноз, влияние на экономику // Российский химический журнал (Журнал Российского химического общества им. Д. И. Менделеева). 2008. Т. LII. № 6. С. 25–36. [Braginsky O. Oil prices: history, forecast, impact on the economy // Russian Chemical Journal (Journal of the Russian Chemical Society named after D.I. Mendeleev). 2008. Vol. LII. No. 6. Pp. 25–36. (In Russ.)]
6. Хлопов О.А. Особенности влияния ОПЕК на международную энергетическую безопасность // Власть. 2014. № 10. С. 79–83. [Khlopov O.A. Features of OPEC's influence on international energy security // Vlast. 2014. No. 10. Pp. 79–83. (In Russ.)] <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vliyaniya-opek-na-mezhdunarodnuyu-energeticheskuyu-bezopasnost>.
7. Конопляник А. Куда исчезли справочные цены? // Нефть России. 2000. № 7. [Konoplyanik A. Where have the reference prices gone? // Russian Oil. 2000. No. 7. (In Russ.)] <https://konoplyanik.ru/ru/publications/264/264.htm>.
8. Григорьев Л.М., Хейфец Е.А. Нефтяной рынок: конфликт между подъемом и энергетическим переходом // Вопросы экономики. 2022. № 9. С. 5–33. [Grigoryev L.M., Kheifets E.A. Oil market: Conflict between recovery and energy transition // Voprosy Ekonomiki. 2022. No. 9. Pp. 5–33. (In Russ.)] DOI: 10.32609/0042-8736-2022-9-5-33.
9. Акинфиев В.К. Соглашение ОПЕК+: анализ последствий для России // Энергетическая политика. 2020. № 1 (143). С. 43–51. [Akinfiev V.K. OPEC+ Agreement: an analysis of consequences for Russia // Energy Policy. 2020. No. 1 (143). Pp. 43–51. (In Russ.)] <https://energy-policy.ru/v-k-akinfiev-soglashenie-opek-analiz-p/neft/2020/01/10/?ysclid=mm7sskoqcxq243152287>
10. Шуплецов А.Ф., Буньковский Д.В. Диверсификация российского экспорта нефти и нефтепродуктов // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 6. С. 889–895. [Shupletsov A.F., Bunkovsky D.V. Diversification of the Russian oil export and oil products // Bulletin of Baikal State University. 2016. Vol. 26. No. 6. Pp. 889–895. (In Russ.)] DOI: 10.17150/2500-2759.2016.26(6).889-895.

¹⁵ Путин В.В. Встреча с руководством МИД России. 14 июня 2024 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/74285> (дата обращения: 09.12.2025).

Дата поступления рукописи: 20.11.2025 г.

Дата принятия к публикации: 24.02.2026 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сечин Игорь Иванович – кандидат экономических наук, главный исполнительный директор ПАО «НК «Роснефть», Москва, Россия

ORCID: 0009-0006-0204-5888

postman@rosneft.ru

ABOUT THE AUTHOR

Igor I. Sechin – Cand. Sci. (Econ.), Chief Executive Officer, Rosneft Oil Company, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0006-0204-5888

postman@rosneft.ru

THE GLOBAL OIL MARKET AND RUSSIA'S ENERGY STRATEGY UNDER SANCTIONS

The West's desire to maintain global economic dominance and curb the growth of developing countries has made the global energy market, and the oil market in particular, an arena of geopolitical confrontation. The study found that, under sanctions pressure, a key element of Russia's energy strategy was the reorientation of oil exports to fast-growing Asian markets, which helped offset the loss of European customers. Despite the introduction of price caps and logistics restrictions, export volumes remained stable thanks to existing and established infrastructure, as well as long-term contracts with partners. A combination of market diversification, a flexible tax policy, and strengthened partnerships with countries considered undesirable by the West ensured Russia's resilience under sanctions. At the same time, it is important to recognize that pressure on Russia, as well as the risks of further fragmentation of global energy markets, are increasing. In this regard, there is a rising need to take measures to minimize these risks, including the development of alternative financial mechanisms that reduce dependence on the dollar system.

Keywords: *global energy, oil, sanctions, cooperation, strategy, Russia, China, India, Europe, USA.*

JEL: F01.